

Насилие в фильмах: три условия миметического воздействия

К.А. Тарасов

доктор культурологии

На российских материалах проверяется гипотеза о существовании причинно-следственной связи между показом насилия в фильмах и его проявлениями в реальной жизни. Приводятся подтверждающие гипотезу эмпирические свидетельства.

УДК 778.5.01.067.2

АННОТАЦИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

насилие
в фильмах,
телеэкран,
дети, массовое
восприятие,
гипотетическая
«группа риска»,
причинно-
следственная
связь,
статистический
квазиэксперимент

В последний зимний день 2016 года в Москве было совершено насилие, похожее на «страшилки» из фильмов ужасов. В одной из квартир наемная няня, оставшись наедине с маленькой девочкой, задушила ее и обезглавила. Чудовищная история имела продолжение на публике. Облачившись в черный хиджаб, вообразив себя террористкой и предав квартиру огню, «кровавая няня» появилась возле станции метро, где в течение более получаса триумфально размахивала высоко поднятой отрезанной головой, выкрикивая проклятия и угрозы. «Перформанс» ужасов остановил нашедшийся наконец «хороший парень» — полицейский. Сбив няню-убийцу с ног, он нейтрализовал ее, прижав к асфальту. Голова ребенка выпала из рук обезумевшей сиделки и покатила по асфальту...

Произошедшее встревожило правоохранительные органы, опасавшиеся вспышки ксенофобии. О событии написали в газетах, обсуждали на радио, в интернете. Похоже, оно затронуло всю страну. Впрочем, не всю. Как выразился один из пользователей интернета, «по телеку молчок». Руководители федеральных телеканалов решили проигнорировать случившееся.

Почему же столь резонансное событие обойдено телемолчанием? Опасались падения рейтинга? Исключено. Решающее значение, скорее всего, имели два обстоятельства — известная политическая окраска события и не лишённое оснований опасение, что образ и действия «кровавой няни», по логике гражданского протеста, а также по имитации связанного с ним своего рода обратного мимесиса, может иметь спровоцированное продолжение в реальной жизни.

Фактор ангажированности

Положим, было именно так. Но тогда возникает вопрос: почему позицию, продемонстрированную в данном случае, руководители телеканалов не являют при составлении своих кинопрограмм, в которых мотив смертоубийства, что называется, зашкаливает? В этом неполитическом, нравственном по своей сути вопросе занимаемую позицию определяет, надо думать, коммерческий интерес, прикрываемый мифологемой: насилие в фильмах не может произвести «интоксикацию» культурных установок какой-либо части людей, неокрепшей психики и умов подрастающего поколения в частности, не может сойти с экрана в жизнь. В арбитры при случае призывают и науку: дескать, нет в мире серьезных научных данных, которые показали бы причинно-следственную связь между увеличением количества насилия на экране и его ростом среди молодежи в реальной жизни.

Подобные утверждения время от времени появляются в российском радиоэфире. Формируется и распространяется предостережение об отсутствии заслуживающей внимания связи между демонстрацией насилия в фильмах и агрессивностью в жизни. Чтобы внести ясность в понимание данной проблемы, обратимся к результатам зарубежных исследований, а также к опыту изыскания, проведенного автором статьи в России. Читателю может обратиться также к монографии А. Федорова¹.

Согласимся, что несерьезной может быть оценка достоверности весьма серьезного исследования. О возможной ангажированности исследователя и тех, кто судит о его данных, свидетельствует история научного изучения проблемы в США. Характеризуя период после Первой мировой войны, когда проблематика исследований стала удаляться от острых вопросов, связанных с требованиями реформировать кинематографию, известный канадско-американский коммуниколог Г. Джоувитт отмечает в своем признанном классическом труде, что при всем стремлении большинства ученых быть объективными, полностью нейтральную позицию занять невозможно. «Те, кто изучал влияние кино, — пишет он, — почти всегда оказывались втянутыми в жаркие споры между реформаторами и индустрией. Обе стороны временами *прибегали к найму своих собственных “ученых”*» (курсив мой. — К.Т.) для проведения конкурирующих исследований либо опровержения ранее опубликованных данных. Там, где затрагивался этот вопрос, было очень мало непредвзятых и объективных голосов². Итоги современного изучения миметического воздействия образов насилия в этом отношении исключения не составляют.

¹ Федоров А.В. Права ребенка и проблема насилия на российском экране. Таганрог: Изд-во «Кучма», 2004. С. 32–71.

² Jowett G. Film: The Democratic Art. Boston: Little, Brown & Co., 1976. P. 212.

И понятно почему. В кинокоммерции еще никто и никогда не отказывался просто так от курицы, несущей золотые яйца. Живописание насилия является, пожалуй, экономически наиболее выгодным элементом фильма. Создание серьезных и вместе с тем увлекательных картин, затрагивающих важные, волнующие многих вопросы, в творческом отношении задача очень сложная, требующая немало сил и времени. Насыщение же фильма драками, перестрелками, погонями и прочей «движухой» позволяет создателям укладываться в сжатые сроки, компенсировать малую увлекательность сюжета и характеров, слабую игру актеров, отсутствие сколько-нибудь значимой темы и т. д. и вместе с тем обеспечивать фильму необходимую рецептивность со стороны невзыскательных зрителей, которые, кстати, сегодня составляют ядро киноаудитории. Тема физического принуждения, угрозы и сохранения человеческой жизни нещадно эксплуатируется в расчете на стимулирование физиологически обусловленного непровольного внимания зрительской массы.

Само собой разумеется, что в этой ситуации существует заинтересованность в опровержении данных вполне серьезных исследований. Один из приемов опровержения причинно-следственной связи между показом насилия в фильмах и агрессией в жизни состоит в подмене предмета вопроса. Такую подмену осуществил, например, видный представитель канадской школы социальной психологии Дж. Фридман, предложивший термин «каузальная гипотеза» и посвятивший ее опровержению довольно толстую книгу, которая вызвала определенный резонанс в западном обществе. Во Введении к ней читаем: «Многие исследования, на которые обычно ссылаются как на свидетельство о том, что восприятие телевизионного насилия увеличивает агрессию (я называю это каузальной гипотезой), не свидетельствуют о таком эффекте, а иногда они даже говорят о его противоположности»³. Автор цитаты совершает грубую методологическую ошибку. Он пытается ответить на частный вопрос об *увеличении* агрессии, переступив через общий вопрос о том, есть ли *вообще* положительная связь между показом экранного насилия и насилием в реальной жизни. Но ведь лишь после того, как такая связь уже доказана, появляются логические основания ставить частные вопросы: *влияет ли восприятие экранного насилия на увеличение агрессии, на преступность, совершаемую с применением насилия, на хулиганство, вандализм* и т. д. По иронии логики Дж. Фридман, желая опровергнуть «каузальную гипотезу» и переступая через вопрос, логически предвещающий ее постановку, тем самым косвенно признал ис-

³ Freedman Jonathan L. Media Violence and its Effect on Aggression: Assessing the scientific Evidence. Toronto: University of Toronto Press, 2003. P. IX–XI.

тинность причинно-следственной связи между двумя явлениями. Иначе зачем надо было ему, ссылаясь на действие *главных* социальных факторов, опровергать гипотезу о том, что медийное насилие вызывает увеличение агрессии и преступности?

Мы не будем обсуждать тот факт, что книга Дж. Фридмана была подготовлена при финансовой поддержке Американской ассоциации кинопромышленников. Обратим внимание на другое. Процесс воздействия экранного насилия на его реципиентов и эффект воздействия экранного насилия в форме агрессии отделены друг от друга в пространстве и времени. Они вплетены в процесс реальной жизни, опосредованы ею. Уловить эффект в «чистом» виде и, что называется, пощупать руками невозможно. *Эмпирические свидетельства в пользу причинно-следственной связи приходится доводить до логического конца путем умозаключений.* Это происходит даже в опытах естественных наук с экспериментальной и контрольной группами. Момент перехода от эмпирии к теории — методологический вызов исследователю и благоприятная почва для заинтересованных спекуляций критического характера.

Верификация гипотезы в западной науке

Гипотеза о причинно-следственной связи экранного насилия с реальным насилием в жизни западной наукой в целом — после длительного периода сомнений и неопределенности — признана верифицированной. Прежде всего, в отношении подрастающего поколения. «Исследования воздействия образов насилия в кино и на телевидении, — отмечала в 2010 году по результатам изучения мирового опыта С. фон Фейлитцен, известный шведский ученый, координирующая научную деятельность ЮНЕСКО в Скандинавии, — проводились с 1920 года. И, как утверждается, только в самих Соединенных Штатах было осуществлено три или четыре тысячи исследований»⁴. Мало кто мог иметь желание и возможность ознакомиться с ними. Но такое желание и такую возможность имела участвовавшая в одном из глобальных проектов С. фон Фейлитцен. «Насчитывается, — утверждает она, — значительное число исследований, показывающих, что изображение насильственных действий в кино и на телевидении может вести к его *имитации*, особенно среди детей». Родители в некоторых странах Северной Европы, отмечается далее, приводят множество примеров детского подражания элементам увиденного на экране насилия. «Вместе с тем имитация элементов насилия не означает с необходимостью *намеренные* агрессивные действия. Многие исследования, посвященные *агрессии* как

⁴ Cecilia von Feilitzen. Influences of Mediated Violence / Children and Youth in the Digital Media Culture. Yearbook 2010. From a Nordic Horizon / Nordicom University of Göteborg; [Edited by Ulla Carlsson]. Göteborg: Nordicom University, 2010. P. 175.

⁵ Cecilia von Feilitzen. Influences of Mediatized Violence / Children and Youth in the Digital Media Culture. Yearbook 2010. From a Nordic Horizon / Nordicom University of Göteborg: [Edited by Ulla Carlsson]. Göteborg: Nordicom University, 2010. P. 176.

следствию просмотра фильмов и телевизионного насилия, не поддерживают представление о том, что медийное насилие является *единственной* или *решающей* причиной насилия (и преступлений с применением насилия) в обществе. Большинство исследований, однако, показывает, что медийное насилие, тем не менее, играет роль»⁵.

Агрессивное поведение индивида подвижно предрасположенностью к нему, опытом жизни, своей и других людей, и лишь дополнительно к этому впечатлениями, полученными при восприятии художественного вымысла. Из-за комплексной обусловленности агрессивного поведения «взвешенное» выявление роли медийного насилия затруднительно. Обобщающие выводы из материалов исследований неизбежно формулируются в довольно неопределенной форме. Тому пример: «Медийное содержание редко оказывает *прямое* или *единственное* влияние на наши *действия*. Безусловно, медиа вызывают у нас ментальные впечатления — представления, чувства и т. д. Но они смешиваются с другими представлениями, нормами, ценностями, чувствами и познаниями, которые мы ранее получили и продолжаем получать из нашего собственного опыта, в семье, в школе, от людей своего круга и т. д. Наши собственные впечатления, полученные от других людей, в целом имеют гораздо большее значение, чем медийные впечатления. И как раз этот плавильный котел накопленных впечатлений является тем фактором, который усиливает или ослабляет нашу склонность действовать определенным образом. Большинство исследований, проведенных в США по проблеме медийного насилия, равно как и некоторые исследования в других странах, показывают, что по отношению к определенным индивидам и при определенных обстоятельствах медийное насилие *вносит свою лепту* в усиление агрессии. Происходит это в виде непрямого и чаще всего закрепляющего воздействия, во взаимодействии с более значимыми впечатлениями, как в краткосрочной, так и долгосрочной перспективе»⁶. Гипотеза о наличии причинно-следственной связи на Западе в любом случае верифицирована.

С. фон Фейлитцен отмечает, что международные лонгитюдные исследования, проведенные на протяжении нескольких десятилетий, позволяют сделать вывод статистического характера. Агрессия в среде изученных детей и молодых людей, усилившаяся за этот период времени восприятием медийного насилия объясняется примерно на 5–10%. Показатель скромный. Но бывает ли так, что в конкретной жизненной ситуации именно восприятие экранного насилия стало решающей *непосредственной*

⁶ Ibid.

причиной агрессии? Как известно, переполнить чашу способно всего лишь одна капля, не составляющая даже «5–10%» ее содержимого. Став непосредственной причиной пролившейся жидкости, она сыграла роль «спускового крючка». И это уже не арифметика, но алгебра.

Остальные 90–95% комплексной причины агрессии в жизни приходится, согласно С. фон Фейлитцен, на немедийные факторы. Это — личность юного зрителя, прежняя агрессия, неблагоприятные обстоятельства в семье, школе, группах сверстников, исходная социокультурная база, неблагоприятные общесоциальные условия. К последним относятся незанятость молодых людей, алкоголь, наркотики, доступность оружия, слабый контроль взрослых, потребительское общество, стимулирующее воровство с применением насилия⁷. В исследованиях были также обнаружены факторы, в той или иной мере блокирующие деструктивное воздействие медийного насилия на подрастающее поколение. Это добрые отношения с родителями и сверстниками. Это жизнь вне агрессивной среды, благоприятные социальные условия, любовь к школе, отсутствие причин фрустрации и т. д.⁸

⁷ Cecilia von Feilitzen. Influences of Mediated Violence / Children and Youth in the Digital Media Culture. Yearbook 2010. From a Nordic Horizon / Nordicom University of Göteborg; [Edited by Ulla Carlsson]. Göteborg: Nordicom University, 2010. P. 176.

⁸ Ibid. P. 177.

Новый подход к изучению проблемы

В России, несомненно, имеется объективная потребность в достоверной научной информации о том, существует ли причинно-следственная связь между демонстрацией фильмов с насилием и проявлением агрессии в жизни. Ее удовлетворить выводы западных исследователей не могут. У нас другой зритель, иные культурные и цивилизационные условия жизни. Но и десятилетиями искать истину, проводя тысячи исследований, как в США, в России нереально. Приходится искать новые, более простые, но в то же время и более эффективные подходы. Перспективными в этом отношении представляются, в частности, изыскания в среде учащихся общеобразовательной школы на основе концептуальной модели, предусматривающей учет комплекса условий, которые делают возможным миметическое воздействие насилия в фильмах. Эта модель такова: *массовый показ фильмов с насилием + массовое их восприятие подрастающим поколением + предрасположенность детей к «заинтересованному» усвоению опыта насилия в фильмах → «интоксикация» сознания и социальных установок подрастающего поколения образцами насилия + насилие в реальной жизни.*

Исходная гипотеза о существовании и стимулирующем эффекте воздействия экранного насилия как функции от ука-

занных трех социокультурных аргументов проверялась с помощью разработанной в исследовании методологии, сочетающей эвристические возможности методов опроса и эксперимента. В процедурном аспекте главная задача сводилась к обнаружению комплекса фактов, предположительно свидетельствующих о наличии у определенной части старшеклассников («группа риска») установки на практическое использование информации из фильмов с насилием, и проверке суммарной достоверности полученных свидетельств с помощью статистического квазиэксперимента. Экспериментальный фактор в данном случае — не воздействующее на реципиента насилие в фильмах, но активность его сознания, направленного на кинематографические коды «экранного зла», конструирование и интерпретация мира фильма в голове воспринимающего под определенным углом зрения. Такой подход опирается на парадигму исследования, ставящую во главу угла активность коммуниканта. Проверка предположения о мимесисе строится на обнаружении соответствующей социальной установки, то есть фактора, связь которого с агрессивным поведением имеет не корреляционный, а *детерминационный* характер. Вывод о наличии или отсутствии причинно-следственной связи делается не на основании установления или не установления самих фактов агрессии под влиянием образов насилия. Он делается на основании *достоверного обнаружения в гипотетической группе риска установки на практическое подражание увиденному в фильмах — установки, которая в силу ее психологической природы в какой-то момент непременно в той или иной мере и форме проявится на уровне поведения*. Оснований для сомнений относительно положительного умозаключения «эмпирия» в данном случае, на наш взгляд, не дает.

Контент-анализ насилия в телекинематографической картине мира

В книге, изданной в 2004 году, А. Федоров констатировал, что «анализ темы насилия... на российском экране остается одним из белых пятен»⁹. В основе предпринятого нами контент-анализа лежала гипотеза о тиражировании кинопрограммами центральных каналов ТВ крайне искаженной картины насилия в мире. В целом объект контент-анализа включал 180 фильмов или серий из репертуара ОРТ¹⁰, РТР¹¹ и НТВ, показанных в прайм-тайм в марте-апреле 2003 года. Репрезентативную выборку составили 42 названия. В 41 из них были обнаружены сцены насилия (в среднем 21 сцена). Зачастую (21%) показу

⁹ Федоров А.В.
Указ. соч. С. 41.

¹⁰ В настоящее время —
«Первый канал». —
Прим. авт.

¹¹ В настоящее
время — телеканал
«Россия 1». —
Прим. авт.

насилия отводилось 10–12 минут, в каждом пятом фильме (22%) — менее четырех минут. В каждом четвертом сюжете (24%) сцены насилия длились от 20 до 55 минут (при средней продолжительности фильма или серии, равной 68,6 минут).

В каждом втором фильме насилие вершили как минимум 6 персонажей, в каждом четвертом и того более. При показе 10% фильмов происходило воистину массовое нашествие насильников на домашние экраны. Здесь их было уже от 67 до 96. Исходное предположение о тиражировании картины маргинального социального мира в кинопрограммах федеральных каналов ТВ убедительно подтверждено экранным живописанием самого тяжкого преступления — убийства. Подобное зрелище встречалось чаще, чем в каждом втором фильме. На один среднестатистический фильм в программах ОРТ, РТР и НТВ приходилось 5,2 убийства. В каждом пятом фильме зритель редко или вообще не видел наказания злодея. В каждой четвертой картине оно происходило только в финале. Многие фильмы не могли вызвать у зрителя ощущения неотвратимости наказания зла, и, следовательно, они не были способны утверждать его в этой мысли. Насилие «положительных» персонажей в значительном массиве фильмов (31%) наказывалось либо редко, либо вообще никогда. В художественном послании довольно часто торжествовал принцип «око за око»: насилие, с одной стороны, наказывается, а с другой — реабилитируется.

Таким образом, на момент осуществления контент-анализа имел место массовый показ фильмов с насилием. В методологической парадигме нашего исследования это обстоятельство определено в качестве первого необходимого условия деструктивного воздействия образов насилия. Время, прошедшее с момента замеров, принципиальных изменений в телекинематографической картине мира относительно интересующей нас проблемы не вызвало. Забегая вперед, отметим также, что принципиальных изменений не произошло также и в отношении двух других, обозначенных выше, социокультурных аргументов.

Массовое восприятие насилия в фильмах

Необходимый материал по данной проблеме был собран нами в результате репрезентативного опроса старшеклассников Ярославля и Ростова-на-Дону (2001), Омска (2002), Кирова (2004) и Москвы (Центральный административный округ, 2004), а также студентов колледжей Омска (2004) и вузов Москвы (2002).

Поголовного увлечения потреблением насилия в фильмах не было обнаружено. На протяжении четырех недель, предшествовавших опросу, каждый третий из всех респондентов либо вообще не смотрел фильмы, насыщенные образами насилия, либо они составляли менее одной четверти индивидуального кинорепертуара. Можно говорить о существовании зрительской прослойки минимального потребления образов насилия. Существует также прослойка максимального потребления (в индивидуальном кинорепертуаре фильмы с насилием составляют большинство). Оно свойственно примерно каждому третьему респонденту. В расчет надо также принять прослойку ребят (15–27%), в индивидуальном кинорепертуаре которых подобные ленты составляют примерно половину. Добавим сюда и тех, у кого они занимают четверть или треть индивидуального кинорепертуара (8–13%). Таким образом, в момент замеров имело место воистину массовое потребление образов насилия. Значит, обнаружена была и вторая предпосылка их миметического воздействия. К настоящему времени она приняла более или менее устойчивое количественное проявление.

Предрасположенность к «заинтересованному» восприятию насилия

Объем статьи позволяет изложить лишь некоторые из установленных фактов и кратко описать использованную методику статистического квазиэксперимента. В нем, что очень важно для поиска истины, происходило взаимоусиление процедур опроса и эксперимента. В разных городах юным зрителям был задан вопрос: «Во многих фильмах мы видим, как зло (злодей) пытается добиться своих целей с помощью насилия. Но его, в конце концов, побеждает положительный герой — и тоже с помощью насилия. Как вы думаете, чему учат такие фильмы ваших ровесников?». В целях большей искренности ответа мы не спрашивали респондента, чему учат фильмы лично его. Вопрос ставился в косвенной форме. Респонденту предлагались на выбор четыре варианта ответа. Первый: «Такие фильмы учат, что в жизни зло своих целей насилием не достигает». С этим нравственным уроком согласился каждый пятый зритель (22%). Остальные три варианта ответа отражали по нарастающей разную степень установки на противление насилию агрессией: «Перед силой зла не нужно пасовать» (32%), «Злу нужно давать отпор его же оружием» (33%). Четвертый вариант вбирал в себя установку не только на сопротивление злу насилием (как она «схвачена» во втором и третьем варианте), но и на *овладение* искусством на-

силія: «Такие фильмы учат, что нужно овладевать искусством насилия» (6% «голосов»). Те, кто дал этот ответ, косвенно больше остальных заявили о готовности усваивать уроки насилия в фильмах. Поэтому для начала данное множество зрителей *гипотетически* квалифицировалось нами как некая группа риска. Выбор четвертого варианта ответа при этом некоей презумпцией истинности суждений респондента не обладал, что выгодно расходится с обычной практикой применения метода опроса. Конкретный респондент твердо включался в группу риска при условии, что удовлетворял ряду других критериев, объективно его характеризующих. Контрольную группу поначалу составили указавшие на первый вариант «урока».

Проверяемая гипотеза проходила пятиэтапную проверку. Мы приведем главные итоги пятого этапа. Был использован объединенный массив данных (1846 респондентов), полученных в результате выборочного репрезентативного опроса старшеклассников (9–11 классы) Москвы, Кирова и Омска, а также студентов омских колледжей. Гипотетическая группа риска и контрольная группа из всей массы ребят на этот раз выделялись по комбинации *четырёх* признаков. Первую группу составляли респонденты, которые, по их признанию, во-первых, во время просмотра фильма всегда или часто идентифицируют себя с носителем насилия, во-вторых, испытывают чувство «восторга (восхищения)» при восприятии сцен (моментов) жестокости, в-третьих, после просмотра фильма с насилием каждый раз либо часто испытывают желание быть похожим на его героев и, в-четвертых, в посткоммуникативной фазе всегда или часто мысленно возвращаются к увиденным сценам насилия. Вторую группу, контрольную, составили респонденты с противоположными наклонностями. Ниже две группы сравниваются по ряду симптоматичных фактов. Сначала приводятся ответы респондентов из гипотетической группы риска, затем — из контрольной:

- *характер воспринимаемой на экране картины мира*: в фильмах, увиденных за четыре недели перед опросом, 43% и 9% респондентов видели больше темную сторону жизни людей;
- *востребованность фильмов с насилием по показателю объема их потребления*: фильмы с насилием составляют большинство в индивидуальном репертуаре 56% и 12% респондентов;
- *оценка фильмов с насилием в индивидуальном кинорепертуаре*: очень понравились 72% и 2%, не понравились либо очень не понравились — 0% и 29% опрошенных;

- *характер чувств, возбуждаемых зрелищем крови:* вызывает чувство восторга у 84% и 2% респондентов;
- *идентификация со стражами порядка во время просмотра фильма:* 4% и 13%;
- *идентификация с персонажами-преступниками:* 68% и 4%;
- *чувство симпатии, вызываемые персонажем в его конфликте с законом:* 76% и 5% респондентов;
- *реакция на наказание персонажа, пытающегося добиться успеха в жизни с помощью насилия:* сожаление — 72% и 6%, одобрение — 0% и 68%;
- *настроение после просмотра фильма с насилием:* хорошее, приподнятое — 84% и 3%;
- *склонность к агрессивному поведению в конфликтных ситуациях (самооценка по 5-балльной системе):* 1 балл — 8% и 32%, 5 баллов — 54% и 4%;
- *способность контролировать собственное поведение:* трудно — 54% и 7%;
- *установка на применение физического насилия:* порой не могут сдерживать желание ударить человека 54% и 3% респондентов;
- *отношения с родителями:* очень плохие — 12% и 0,5%;
- *ощущение, что собственная жизнь складывается неудачно:* 46% и 21%;
- *наличие агрессивных лиц среди друзей и близких знакомых:* имеются у 67% и 40% опрошенных;
- *очень частое опасение стать жертвой насилия в семье, школе и т. д.:* 17% и 3%;
- *реальная причастность к насилию в качестве его жертвы:* 67% и 38% респондентов;
- *участие в драках с ровесниками:* за 5–10 месяцев перед опросом не участвовали 17% и 81% респондентов; участвовали более четырех раз — 50% и 2%;
- *роль обидчика и обиженного в конфликтных ситуациях:* 46% и 3% ребят относятся к тем, кто чаще обижает сверстников;
- *совершение хулиганских поступков:* в течение 5–10 месяцев перед опросом более четырех хулиганских поступков совершили 46% и 5% ребят.

Выявлена внутренне согласованная симптоматичность весьма разнородных фактов личной культуры, сознания и поведения зрителей. Позиции сравниваемых групп по большинству критериев тяготеют к противоположным полюсам. При более обширном массиве данных, позволяющем выделение гипотетической группы риска не по четверем, а, скажем, по семи или

десяти критериям, позиции респондентов, видимо, окажутся у противоположных полюсов. И соответствующая комбинация критериев может уже служить обоснованной идентификацией представителей не гипотетической, а реальной группы риска. Продемонстрированные однозначность эмпирических свидетельств и воистину впечатляющие различия в характеристиках сравниваемых групп — убедительные аргументы в пользу проверяемой гипотезы о причинно-следственной связи показа насилия на экране и агрессивным поведением в жизни.

Особенно убедителен такой факт. В общем массиве опрошенных — всего 6% тех, кто, согласно ответу на косвенный вопрос, из фильмов с насилием извлекает вывод, что нужно овладеть искусством насилия. Но их уже 58% в гипотетической группе риска против всего лишь 2% в контрольной. Это социологическое свидетельство того, что группа риска существует не только в виде гипотезы, но и тревожной реальности, с которой нельзя не считаться. В данном случае отрицать вывод об обратном мимесисе без практической в том заинтересованности вряд ли возможно. Согласие же взывает к заинтересованным практическим действиям. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Тарасов К.А. *Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры*. — М.: Белый берег, 2005. — 380 с.
2. Федоров А.В. *Права ребенка и проблема насилия на российском экране*. — Таганрог: ИД «Кучма», 2004. — 418 с.
3. *Children and Youth in the Digital Media Culture. Yearbook 2010. From a Nordic Horizon / Nordicom University of Göteborg*; [Edited by Ulla Carlsson]. Göteborg: Nordicom University, 2010. — 251 p.
4. Freedman Jonathan L. *Media Violence and its Effect on Aggression: Assessing the Scientific Evidence*. — Toronto: University of Toronto Press, 2003. — 227 p.

REFERENCES

1. Tarasov K.A. *Nasilie v zerkale audiovisualnoy kulturi [Violence in the Mirror of Audiovisual Culture]*. — M.: Belyi bereg, 2005. — 380 p.
2. Fedorov A.V. *Prava rebenka i problema nasiliya na rossiyskom ekrane. [Child Rights and the Problem of Violence on Russian Screen]*. — Taganrog: Kutchma Publishers, 2004. — 418 p.
3. *Children and Youth in the Digital Media Culture. Yearbook 2010. From a Nordic Horizon / Nordicom University of Göteborg*; [Edited by Ulla Carlsson]. Göteborg: Nordicom University, 2010. — 251 p.
4. Freedman, Jonathan L. *Media Violence and its Effect on Aggression: Assessing the Scientific Evidence*. — Toronto: University of Toronto Press, 2003. — 227 p.

Violence in Films: Three Preconditions for the Mimetic Effect

Kirill A. Tarasov

PhD (Culturology)

UDC 778.5.01.067.2

ABSTRACT: Based on Russian research materials, a hypothesis is tested as to the existence of a causal link between the demonstration of violence in films and its manifestation in the real lives of the young generation. The logic of the study is determined by the underlying conceptual model for the stimulating effect of violence in films: massive exposition of films with violence + their mass reception by the young generation + the predisposition of young people toward an interested absorption of the violence experience from cinema → “intoxication” of the rising generation’s minds and social attitudes with violent imagery → violence in real life.

The object of the research consists in the telecinematic process as characterized by the involvement of senior students from the comprehensive-school level.

A content analysis of film programs by the major television channels has shown that the typical viewer offering is films and series episodes with violent scenes in them. A survey of school students attests to the mass consumption of the provided “aggressive film diet”. A predisposition was also explicated on the part of some student viewers for “interested” perception and absorption of violence experience in films (the so-called “risk group”).

The existence of the risk group was established with the means of the ad hoc methodology of a statistical quasi-experiment based on a specially designed survey of school students. The experimental factor in this case is conceived of not as an effect of violence in films on the viewer but as the activeness of the viewer’s mind addressed to the choice of films and to their cinematic codes, as the construction and interpretation of film world in the viewer’s head within a certain perspective. Such an approach rests upon a research paradigm which treats the communicant’s activeness as central.

The comparison between the two aggregates of the students, the experimental (“the risk group”) and the control one, has shown that on most criteria their respective positions tend toward opposite poles. For instance, suppressing an occasional desire to hit someone is beyond 54% of young people from the one group and 3% from the other. Or: the punishment of a film character who strives for life success with the means of violence causes regret among, respectively, 72% and 6% of the young respondents, while approval of the punishment registers among 0% and 68%.

Thus the hypothesis of the stimulating effect of violent imagery in films has received its empirical confirmation.

KEY WORDS: violence in movies, TV screen, children, mass perception, hypothetical “risk group”, causal relationship, statistical quasi-experiment